

Не прошло и получаса с тех пор, как Чи Нина бросили в темницу, а стражники из Парчовой стражи уже принесли ему письменные принадлежности: бумагу, тушь, кисть и тушечницу.

Не успел Чи Нин разложить перед собой листы, как из соседней камеры донесся участливый голос Цзян Чжиуэя:

— Они велели тебе заполнять опросный лист, верно?

Слово «цзюйсунь» в законах Великой Ци означало судебный допрос. Но Чи Нину прежде никогда не приходилось держать в руках подобные бумаги. Он лишь недоуменно нахмурился, бегло проглядывая исписанные столбцы, и спросил соученика:

— Неужели здешние допросы теперь проходят так... цивилизованно? Окружают заботой и уповают на честность?

Вместо того чтобы вздернуть на дыбу или пустить в ход раскаленное железо, подозреваемому просто предлагали собственноручно изложить свои деяния.

— Это только для важных птиц, впутавшихся в пустяковые дела, — охотно пояснил Цзян Чжиуэй с интонацией школяра, жаждущего показать свои познания. — Похоже, твоя провинность — сущая чепуха, Линь-Линь. Раз тебя упекли за такую малость, кому же ты успел перейти дорогу?

Чи Нин промолчал. Ему меньше всего хотелось втягивать безалаберного соученика в их смертельную вражду с евнухом Ма. Обойдя расспросы стороной, он лишь уточнил:

— И что, я обязан все это писать?

— Еще бы! Если откажешься, Парчовые стражи примутся за дело всерьез. А они, сам понимаешь, разговорами не ограничатся.

— Возможность самому составить опросный лист — это редкая поблажка, — продолжал вещать из-за стены Цзян Чжиуэй, и в его голосе сквозило давно сдерживаемое, почти детское нетерпение. — Давай, шевелись, пиши быстрее, скоро за бумагами придут. Если зависнешь на каком-то вопросе — спрашивай, старший соученик тебе все растолкует.

Спустя столько лет Цзян Чжиуэй наконец-то получил возможность примерить на себя роль мудрого наставника, опекающего младшего брата. Какое трогательное мгновение!

В бланке и впрямь требовалось указать уйму сведений: имя, возраст, место рождения, чин, службу во дворе или в ведомствах стражи. Вопросы сыпались один за другим, доскональные до неприличия — разве что количество душ в семье, площадь пашни да поголовье скота в хлеву указать не просили.

Вот только какова цена признаниям, которые узник пишет по собственной воле? Начни Чи Нин сочинять небылицы, стражники все равно не смогли бы сразу уличить его во лжи.

Дальше пошли вопросы еще нелепее: «Известно ли вам, за какое именно деяние вы заключены под стражу?», «Осознаете ли вы, что содеянное вами нарушает незыблемые законы Великой Ци?», «Имеете ли вы возражения против предъявленного обвинения?»

Из соседней камеры по-прежнему доносились настойчивые поучения соученика. Тот не видел бланка, но, казалось, знал наизусть каждое слово:

— Самое главное — сразу во всем повиниться, смекаешь? Повинную голову меч не сечет. Напиши так, как мы в детстве оправдывались перед учителем: мол, до глубины души осознал всю тяжесть своего проступка, раскаиваюсь и клянусь больше никогда его не совершать!

— А если я ни в чем не виноват? — Чи Нин уверенно вывел на бумаге свое имя и прочие личные сведения, но на разделе о признании вины его кисть замерла. Он не мог выдать из себя ни слова.

Поток красноречия Цзян Чжиуэя мгновенно иссяк. Осознание обрушилось на него лишь спустя несколько секунд, сменившись яростной вспышкой гнева:

— Тебя подставили? Твою мать! Что за ублюдок это сделал?! Он что, блядь, не знает, чей ты младший брат?

От бывшего благодушия Цзян Чжиуэя не осталось и следа. Он буквально кипел от злости, и по его яростному рычанию чувствовалось: он готов прямо сейчас закатать рукава и набить морду любому, кто подвернется под руку.

Его младший соученик, такой послушный, тихий мальчик! Да он душу вытрясет из этого подлеца, а всю его родню до восемнадцатого колена в землю закопает!

— Не вмешивайся, — Чи Нин нахмурился еще сильнее. — Я сам со всем разберусь. Лучше о себе подумай. Скажи, ты можешь хоть раз не вляпаться в историю и не оказаться в казематах?

Не успело затихнуть последнее слово, как раздался пронзительный скрежет ржавых цепей. Чи Нин поднял голову и обомлел: Цзян Чжиуэй уже стоял у самой решетки. Вокруг него клубилось яростное пламя гнева — причем не только воображаемое. За его спиной и впрямь плясали багрово-черные призрачные огоньки. Без сомнения, это была та самая Одержимость, что делила с ним темницу.

На Цзян Чжиуэе было простое будничное платье, волосы собраны в высокий пучок. На вид ему нельзя было дать больше двадцати лет, хотя в действительности он, конечно, был гораздо старше. На протяжении долгих лет его проклятием оставалось это юношеское, почти детское

лицо, из-за которого его никто не воспринимал всерьез. Ни единой черты грозного величия.

Просунув руку сквозь частые железные прутья, разделявшие их камеры, Цзян Чжиуэй потребовал:

— А ну-ка, дай сюда бумагу.

— Зачем она тебе?

— Как зачем? Пойду и размозжу собачьи головы этим ублюдкам! — Нрав у старшего соученика был на редкость крутой, что никак не вязалось с его миловидной внешностью. Меньше всего он походил на утонченного дворцового евнуха — скорее на разбойничьего атамана, буйного и скорого на расправу.

За свою долгую жизнь евнух Чжан воспитал несметное множество учеников. Изначально Чи Нин и двое его соучеников ничем не выделялись из этой безликой толпы. Но на закате эры Юнпин, когда император Су отошел в мир иной, а на трон взошел молодой император Тяньхэ, престарелый Чжан Цзинчжун тяжело занемог. Никто не знает, что наступит раньше — завтрашний день или внезапная беда. Столкнувшись с подкосившей его болезнью, старик осознал зыбкость бытия и решил выбрать нескольких преданных учеников, чтобы воспитать их как собственных сыновей.

Он долго и придирчиво отбирал преемников среди воспитанников разных поколений, пока выбор не пал на эту троицу. Для них это стало величайшей милостью судьбы.

Никто во дворце не понимал, какими правилами руководствовался евнух Чжан, ведь у трех избранников не было совершенно ничего общего. Поначалу Чи Нин полагал, что наставник выделил самых способных и многообещающих юношей, которым суждено взлететь по карьерной лестнице. Однако позже, поближе познакомившись со своими чудаковатыми старшими соучениками, он усомнился в этой догадке.

Три соученика переступили порог дома наставника в один и тот же день, хотя разница в возрасте у них была приличной. Чи Нин оказался самым младшим. И хотя уже тогда в его груди билось упрямое сердце, жаждущее верховодить другими, против природы пойти он не мог: пришлось смириться с ролью младшего соученика.

Первым делом старый евнух Чжан дал новоиспеченным названным сыновьям новые имена, которым суждено было перевернуть их жизни. По уверениям наставника, эти имена, тесно связанные между собой, он выбирал без сна и отдыха несколько ночей кряду, да еще и советовался со знающим гадалем, дабы они принесли юношам богатство и удачу. Но Чи Нин до сих пор подозревал, что учитель бесстыдно лгал. Имена эти были взяты из самого избитого, ходового названия поэтического размера — «Линьцзянсянь», «Бессмертный у реки».

Да и способ распределения оказался на редкость затейливым: они просто тянули жребий.

Евнух Чжан объяснил это тем, что удача — важнейший залог успеха в человеческих делах: на бога надейся, да сам не плошай, но и от судьбы не уйдешь. Чи Нин же, прекрасно знавший характер наставника, догадывался о прозаической причине: старику просто неохота было спорить, если вдруг двое или трое захотят прибрать к рукам одно и то же имя.

«Линь-Линь», «Цзян-Цзян» и «Сяньсянь» — эти ласковые прозвища были выведены на трех клочках бумаги.

— Что вытянете, то и ваше. И помните: сделав ход, назад его не воротишь. В этом и кроется суть великой игры.

Когда маленький Чи Нин развернул бумажку со словом «Линь-Линь», на его лице впервые с момента вступления в ученичество появилась искренняя, довольная улыбка. Он ненавидел быть позади и во всем стремился занять первое место. Пусть имена и надергали из обычного стиха, его иероглиф стоял самым первым в названии!

Цзян Чжиуэй, считавшийся старшим соучеником, на деле всегда был ходячим несчастьем. От него только и слышалось: то «Учитель, спаси!», то «Младший брат, выручай!». И тем не менее никто не ожидал, что после кончины наставника именно он первым возьмет себя в руки и попытается взвалить на плечи груз заботы о названной семье.

Сейчас он стоял перед младшим братом с преувеличенно важным видом и чеканил каждое слово:

— Кто посмел причинить тебе вред? Твой старший брат сотрет ублюдка в порошок!

В голове Чи Нина раздался тихий голос Господина Юаня:

«А у тебя славный старший соученик»

Чи Нин опустил ресницы и после недолгого молчания мысленно ответил:

«Я знаю»

Чи Нин прекрасно умел держать лицо. Ни единый мускул не выдал того глубокого волнения, что всколыхнулось в его душе.

— То, что ты вот так запросто разгуливаешь на свободе... это точно сойдет тебе с рук? — невозмутимо спросил он соученика.

— Да пустяки, — небрежно отмахнулся Цзян Чжиуэй. — Здешний надзиратель — родной брат твоего гэгэ Сяоюаня. Помнишь ведь Сяоюаня?

Чи Нин кивнул. Сяоцюань был старым товарищем Цзян Чжиуэя по его первому ведомству. Он тоже служил евнухом, но где он обретался теперь, Чи Нин не знал. Судя по тому, что его младший брат сумел дослужиться до столь высокого поста в тюрьме Парчовой стражи, дела у самого Сяоцюаня шли в гору.

— Ну так кто точит на тебя зуб? — не унимался Цзян Чжиуэй.

— А ты-то сам как здесь оказался? — Чи Нин понимал, что спорить со старшим бесполезно, а потому решил перехватить инициативу.

— Я? — Цзян Чжиуэй ткнул себя пальцем в грудь. Грозная мина, которую он с таким трудом удерживал, мгновенно сменилась неловкостью. — Ну... ты же помнишь. Когда моя первая служба накрылась медным тазом, наставник через знакомых пристроил меня в Южный дворец. Стеречь персики.

Южный дворец служил императорскими угождениями — это был самый большой заповедный парк во всем государстве Великая Ци. Он раскинулся в окрестностях столицы, и покойный император Тяньхэ наведывался туда поохотиться по несколько раз в год.

Первое назначение Цзян Чжиуэя после окончания учебы закончилось катастрофой. Да такой, что распустили все его ведомство подчистую. К тому же из-за своего вздорного и упрямого характера он ухитрился нажить кучу врагов. Чтобы уберечь непутевого ученика от плахи, евнуху Чжану пришлось изрядно попотеть. В конце концов он укрыл старшего названного сына в Южном дворце под чужим именем, надеясь вернуть его в Запретный город, когда улягутся страсти.

«Ошибиться не страшно. Пока цела голова на плечах, всегда можно отыскать способ подняться вновь» — наставник за долгие годы вложил в разум Чи Нина немало мудрости. И умение никогда не смиряться с судьбой было главным его уроком.

Но вышло так, что Цзян Чжиуэй преуспел и без посторонней помощи. Он быстро освоился на новом месте, заслужил благосклонность императора Тяньхэ и вскоре получил почетную должность смотрителя императорских озер Южного дворца. Продолжалось все в том же духе, он со временем непременно вернулся бы во внутренние покои столицы благодаря собственным талантам. И кто знает, быть может, со временем даже дослужился бы до директора с печатью.

Но увы... Человек предполагает, а небо располагает.

Прежний государь находил взбалмошный нрав Цзян Чжиуэя забавным, но для нового императора, ценившего строгий порядок и беспрекословное подчинение, подобное поведение казалось верхом наглости и бунтарства.

У соученика же кожа была толщиной с крепостную стену, а в голове прочно засело неискоренимое: «Вину признаю, но в следующий раз сделаю точно так же». За какие-то

несколько месяцев он успел побывать в Императорской тюрьме целых семь раз. Да еще и расхаживал гоголем, величая себя новым прозвищем: «Я — великий Цзян-Цзылун из Чжэньнана!»

Узнай легендарный полководец Чжао Юнь о том, что безродный евнух сравнивает свои бесконечные отсидки с его великими подвигами, он наверняка перевернулся бы в гробу.

Но вернемся к персикам.

Кем бы ни числился Цзян Чжиуэй по бумагам, в глубине души он считал себя обычным садовым сторожем. Помимо персиков он порой присматривал за грушами, сливами да спелыми арбузами.

— Плоды висят себе на ветках, и каждый дурак знает, что они принадлежат императору. Ни один воришка не осмелится их сорвать. Так зачем торчать там целыми днями? Вот я и...

— И что же ты сделал?

— Просто ушел домой на пару дней во время короткого отдыха. Немного погостил у себя.

Чи Нин лишился дара речи.

В его сознании вновь раздался вкрадчивый смешок Господина Юаня:

«Ого! „Самовольная отлучка и тайное пребывание в частном доме“ — так вот за что повязали твоего братца. Тебе этот указ ничего не напоминает?»

Чи Нин мысленно выругался. Ему ли не знать? Ведь его самого упекли за решетку ровно по такому же обвинению.

— Посижу тут день-другой для приличия, да и выпустят, — Цзян Чжиуэй ничуть не унывал. Ему смертно надоело ночевать в казенных казармах Южного дворца, вот он и бегал домой при каждом удобном случае. Ловили его регулярно. Но даже проливая горькие слезы за решеткой, упрямец не собирался менять своих привычек.

На душе у Чи Нина было скверно. Он вспомнил, что еще при жизни наставника старший соученик заглядывал в казематы Императорской тюрьмы как к себе домой.

Хоть бы раз совершил что-то стоящее! Окажись учитель жив, он бы со стыда сгорел. Спроси его кто из знакомых: «За какие грехи твой старший мается в застенках? Казнокрадство? Незаконный захват земель? Похищение девиц?» И что бы старик ответил? «Из-за непреодолимой тяги к родному очагу?»

Только теперь Чи Нин до конца осознал, почему наставник, в очередной раз вытащив Цзян Чжиуэя из тюрьмы, запирался в своих покоях и в ярости крушил драгоценный фарфор.

Такого позора действительно не выдержало бы ни одно любящее сердце.

<http://bllate.org/book/20385/2131574>